

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 31

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1890–1900 гг.

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М
31

ОБЪЕМНЫЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1954

«ТОЛСТОЙ ВЕРХОМ»

Скульптура П. Трубецкого

ДВЕ ВОЙНЫ

В христианском мире идут в настоящее время две войны. Правда, одна уже кончилась, другая еще не кончилась, но шли они обе в одно и то же время и противоположность между ними была поразительна. Одна, теперь уж кончившаяся, была старая, тщеславная, глупая и жестокая, несвоевременная, отсталая, языческая война, — испанско-американская, которая убийством одних людей решала вопрос о том, как и кем должны управляться другие люди. Другая война, продолжающаяся еще теперь и имеющая кончиться только тогда, когда кончатся все войны, — это новая, самоотверженная, основанная на одной любви и разуме, святая война, — война против войны, которую уже давно (как это выразил В. Гюго на одном из конгрессов) объявила лучшая, передовая часть христианского человечества другой, грубой и дикой части этого же человечества и которую с особенной силой и успехом ведет в последнее время горсть людей — христиан, кавказских духоборов, против могущественного русского правительства.

Я на днях получил письмо из Колорадо от какого-то господина Джесси Глодвина, который просит меня прислать ему: ¹⁰ «...несколько слов или мыслей, выражающих мои чувства по отношению благородного дела американской нации и героизма ее солдат и моряков». Господин этот, вместе с огромным большинством американского народа, вполне уверен, что дело американцев, состоящее в том, что они побили несколько тысяч почти безоружных (в сравнении с вооружением американцев испанцы были почти безоружны) людей, есть несомненно благородное дело, noble work, и что те люди, которые, побив большее количество своих ближних, большею частью остались

живы и здоровы и устроили себе выгодное положение, — герои.

Испано-американская война, не говоря о тех ужасах, которые совершали испанцы на Кубе и которые послужили предлогом войны, сама испанско-американская война похожа вот на что:

Выживший из сил и ума старик, воспитанный в преданиях ложной чести, вызывает для разрешения возникшего между ним и молодым человеком недоразумения на кулачный бой ¹⁰ этого молодого, находящегося в полном обладании своих сил человека; и молодой человек по своему прошедшему, по тому, что он не раз сам высказывал, долженствующий стоять неизмеримо выше такого решения вопроса, принимает вызов с зажатым кастетом в кулаке, набрасывается на выжившего из ума и сил старика, выбивает ему зубы, ломает ребра и потом с восторгом рассказывает свои подвиги огромной публике таких же молодых людей, которая радуется и хвалит героя, изувечившего старика.

Такова одна война, занимавшая все умы христианского ²⁰ мира. Про другую войну никто не говорит; про нее почти никто и не знает. Другая война — это вот такая.

Все государства, обманывая людей, говорят: вы все, управляемые мною, находитесь в опасности быть завоеванными другими народами, я блюду ваше благополучие и безопасность и потому требую, чтобы вы отдавали мне ежегодно миллионы рублей, плоды ваших трудов, которые я буду употреблять на ружья, пушки, порох, корабли... для вашей защиты; кроме того, требую, чтобы и сами вы шли в устроенные мною организации, где из вас будут делать неразумные частицы одной ³⁰ огромной машины — армии, управляемой мною. Находясь в этой армии, вы перестанете быть людьми и иметь свою волю, а будете делать всё, что я хочу. Хочу же я прежде всего властвовать; средство же для властвования, употребляемое мною, есть убийство, и потому я буду обучать вас убийству.

И несмотря на очевидную нелепость утверждения того, что люди находятся в опасности от нападения правительств других государств, которые утверждают, что они, несмотря на всё желание мира, находятся в той же опасности, несмотря на унижительность того рабства, которому люди подвергаются, ⁴⁰ поступая в армию, несмотря на жестокость того дела, к кото-

рому они призываются, люди поддаются обману, отдают свои деньги на свое же порабощение и сами поработают друг друга.

И вот являются люди, которые говорят:

То, что вы говорите об угрожающей нам опасности и о вашей заботе предохранить нас от нее, есть обман. Государства все уверяют, что хотят мира, и вместе с тем все вооружаются друг против друга. Кроме того, по тому закону, который вы признаете, все люди — братья и нет никакой разницы принадлежать тому или иному государству, а потому и нападения на нас других государств, которыми вы нас пугаете, для нас не страшны и не имеют никакого значения. Главное же то, что по тому закону, который нам дан богом и который признаете и вы, требующие от нас участия в убийстве, явно запрещено не только убийство, но и всякое насилие, и потому мы не можем и не будем участвовать в ваших приготовлениях к убийствам, не будем давать на это денег и не пойдем в вами устроенные сборища, где извращают разум и совесть людей, превращая их в орудия насилия, покорные всякому злему человеку, взявшему в руки это орудие.

В этом состоит другая война, давно уже ведомая лучшими людьми мира с представителями грубой силы и в последнее время разгоревшаяся с особенной силой между духоборами и русским государством. Русское государство выставило против духоборов все те орудия, которыми оно может бороться. Орудия эти: полицейские меры арестов, непозволения выезда из места жительства, запрещение общения друг с другом, перехватывание писем, шпионство, запрещение печатания в газетах сведений о всем, касающемся духоборов, клевета на них, печатаемая в журналах, подкупы, сечения, тюрьмы, ссылки, разорение семей. Духоборы же с своей стороны выставили свое единственное религиозное орудие: кроткую разумность и терпеливую твердость, и говорят: не должно повиноваться людям больше, чем богу, и что бы вы с нами ни делали, мы не можем и не будем повиноваться вам.

Восхваляют испанских и американских героев той дикой войны, которые, желая отличиться перед людьми, получить награду и славу, убили очень много людей или сами умерли в процессе убийства своих ближних. Но никто не говорит и не знает даже про тех героев войны против войны, которые, никем не видимы и не слышимы, умирали и умирают под

розгами или в вонючих карцерах, или в тяжелом изгнании, и все-таки до последнего издыхания остаются верными добру и истине.

Я знаю десятки этих мучеников уже умерших и сотни таких же, которые, разбросанные по всему миру, продолжают это мученическое исповедание истины.

Я знаю Дрожжина, учителя-крестьянина, который до смерти был замучен в дисциплинарном батальоне; знаю другого — Изюмченко, товарища Дрожжина, выдержанного в дисциплинарном батальоне и потом сосланного на край света; знаю Ольховика, ¹⁰ крестьянина, отказавшегося от военной службы, за это приговоренного в дисциплинарный батальон и на пароходе обратившего конвойного солдата Середу. Середа, поняв то, что сказал Ольховик о грехе военной службы, пришел к начальству и сказал, как говорили это древние мученики: «Не хочу быть с мучителями, присоедините меня к мученикам», и его стали мучить, послали в дисциплинарный батальон, а потом в Якутскую область. Знаю я десятки духоборов, из которых многие умерли, ослепли и все-таки не покоряются требованиям, противным закону бога.

На днях я читал письмо о молодом духоборе, который ²⁰ один, без товарищей послан в полк, стоящий в Самарканде. Опять те же требования со стороны начальства и те же простые, неотразимые ответы: «Не могу делать того, что противно моей вере в бога». — «Мы тебя замучаем». — «Это ваше дело. Вы делайте свое, а я буду делать свое».

И этот двадцатилетний мальчик, заброшенный один в чужой край, среди враждебных ему людей, сильных, богатых, образованных, направляющих все свои силы на то, чтобы покорить его, не покоряется и делает свое великое дело.

Говорят: «Это напрасные жертвы. Люди эти погибнут, ³⁰ а устройство жизни останется то же». Так же, я думаю, говорили люди и о напрасности жертвы Христа, да и всех мучеников за истину. Люди нашего времени, особенно ученые, так огрубели, что не понимают, не могут даже по грубости своей понимать значения и действия духовной силы. Заряд в 250 пудов динамита, пущенный в толпу живых людей, — это они понимают и видят в этом силу; но мысль, истина, получившая осуществление, проведенная в жизни до мученичества, ставшая доступной миллионам, — это, по их понятию, не сила, потому что она не трещит и не видно сломанных костей и луж крови. ⁴⁰ Ученые (правда, плохие ученые) все силы эрудиции употреб-

ляют на то, чтобы доказать, что человечество живет, как стадо, руководимое только экономическими условиями, и что разум дан ему только для забавы; но правительства знают, что движет миром, и потому безошибочно по инстинкту самосохранения ревнивей всего относятся к проявлению духовных сил, от которых зависит их существование или гибель. Оттого-то все силы русского правительства были направлены и еще направлены на то, чтобы обезвредить духоборов, изолировать их, выслать их за границу.

Но, несмотря на все усилия, борьба духоборов открыла глаза миллионам.

Я знаю сотни людей, старых и молодых военных, которые благодаря гонениям против кротких, трудолюбивых духоборов усомнились в законности своей деятельности; знаю людей, которые в первый раз задумались над жизнью и значением христианства, увидав или услышав про жизнь этих людей, про гонения, которым они подверглись.

И правительство, управляющее миллионами людей, знает это и чувствует, что оно поражено в самом сердце.

Такова другая война, ведущаяся в наше время, и таковы последствия ее. И последствия ее важны не для одного русского правительства. Всякое правительство, основанное на войне и на насилии, точно так же поражено этим оружием. Христос сказал: «Я победил мир». И он действительно победил мир, если только люди поверят в силу данного им этого оружия.

Оружие это есть следование каждым человеком своему разуму и своей совести.

Ведь это так просто, так несомненно и обязательно для каждого человека. «Вы хотите сделать меня участником убийства. Вы требуете от меня денег для приготовления орудий убийства и хотите, чтобы я сам участвовал в организованном сборище убийц, — говорит разумный человек, не продавший и не затемнивший свою совесть. — Но я исповедую тот самый закон, который исповедуете и вы и в котором давным-давно запрещено не только убийство, но и всякая вражда, и потому не могу повиноваться вам».

И вот это-то средство, и такое простое, одно и побеждает мир.

Ясная Поляна.
15 августа 1898 г.

П Л А Н Ы И В А Р И А Н Т Ы

ДВЕ ВОЙНЫ

* № 1 (рук. № 1).

Война испано-американская наполняла в продолжение месяцев все столбцы газет. С обеих сторон выделялись люди, перед которыми восхищаются, которых восхваляют как героев за то, что они много убили людей, и все вооруженные нации приглядываются, прислушиваются и из событий этой войны выводят указания и черпают урок, как им, пользуясь этими примерами, успешнее и безопаснее убивать людей....

Не буду повторять то, что все знают, какие боины устраивали американцы, как посылали в людей заряды с пудами взрывающегося динамита, как как в зверей стреляли в спасающих свою жизнь, уходящих людей.... Иногда кажется, что этого не может быть, что всё это только сновидение, от которого проснешься. Всё это слишком ужасно, чтобы повторять это. Но ужаснее всего тот мрак, до которого дошли люди. И кто же эти люди? Самой молодой, передовой нации — американцы. Не говорю уже о сотне героев, т. е. убийцах, которых они восхваляют. У них у всех (за малым исключением) произошло какое-то умственное повреждение.

* № 2 (рук. № 2).

〈Так это ужасно и несогласно со всем тем, что мы исповедуем. Но ужаснее всего то, что главные участники в этой войне, это — люди той самой молодой передовой нации, которая справедливо гордилась своей разумностью и свободой от кровавых инстинктов европейских народов. И что же? Никогда ни один народ не доходил, кажется, до такого грубого зверства и до такого одурения, до которого дошла теперь масса американского народа.

Все газеты их переполнены самовосхвалениями и восхвалением своих героев, которые, побив очень много народа, почти все остались живы и устроили себе очень выгодное положение.〉

КОММЕНТАРИИ

«ДВЕ ВОЙНЫ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Поводом к написанию статьи для Толстого послужила американо-испанская война (1898). «Про эту войну, — писал он, — знал весь мир, и все люди с напряженным вниманием следили за ее проявлениями» (рук. № 2).

Американо-испанскую войну и англо-бурскую, которые велись американскими и английскими империалистами с целью захвата колоний, Толстой назвал «ужасными». В Дневнике 8 января 1900 г. он записал: «Читаю о войне на Филиппинах и в Трансваале и берет ужас и отвращение. Отчего? Войны Фридриха, Наполеона были искренни и потому не лишены были некоторой величественности. Было это даже и в Севастопольской войне. Но войны американцев и англичан среди мира, в котором осуждают войну уж гимназисты, — ужасны» (т. 54, стр. 7—8).

В рукописных материалах содержатся высказывания Толстого об американо-испанской войне, не вошедшие в печатный текст. Так, в рук. № 2 он говорит об этой войне как «о том страшном, бессмысленном и вместе с тем холодном, расчетливом и зверском убийстве, которое производилось над испанцами, которое американцам представляется чем-то очень похвальным». В рук. № 1 Толстой отметил, что «поразительно было в этой войне всеобщее несочувствие американцам». «Действие американцев в этой войне вызвало чувство того омерзения и отвращения, которое испытываешь... к наглым убийцам», — писал он.

Статья «Две войны» впервые была опубликована в «Листках Свободного слова» 1898, № 1, ноябрь. Под печатным текстом стояла дата: «15 августа 1898 г.». На самом же деле эта авторская дата свидетельствовала о написании Толстым только черновой редакции (см. описание рукописей). Дальнейшая его работа над статьей проходила во второй половине августа и закончена была не позднее 27 августа 1898 г. В этот день Толстой писал Черткову: «Посылаю вам статейку «Две войны» (т. 88).

В настоящем издании статья публикуется по первопечатному тексту с изменением одного слова по рук. № 2. В «Листках Свободного слова» напечатано: «набрасывается на выжившего из ума и сил старика, избивает ему зубы». В этой фразе слово «избивает» заменяется словом «выбивает».

(см. стр. 98, строка 15). С. А. Толстая, включившая эту статью в 1911 г. в Собрание сочинений Л. Н. Толстого (изд. 12-е, часть 19-я), напечатала эту фразу точно по рукописи.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 8 лл. 4^о и 3 отрезка. Черновая редакция статьи (неполная) с авторским заглавием «Две войны», подписью и датой: «15 авг. 1898» (перешедшая затем во все последующие копии). Извлекается вариант № 1.
2. Копия с автографа рукой М. Л. и Н. Л. Оболенских с поправками и дополнениями Толстого. 19 лл. 4^о. *Начало*: «В христианском мире идут». *Конец*: «есть обман». Извлекается вариант № 2.
3. Копия окончания (л. 19) предыдущей рукописи с авторскими исправлениями. 2 лл. 4^о. *Начало*: «сердце, хотя». *Конец*: «В этом война.»
4. Копия рук. № 2 рукой А. П. Иванова с исправлениями Толстого. 11 лл. F^о и 3 отрезка. *Начало*: «В христианском мире идут». *Конец*: «не жели человеком».
5. Копия окончания предыдущей рукописи рукой А. П. Иванова с поправками Толстого. 2 лл. F^о. *Начало*: «не только своему разуму». *Конец*: «и побеждает мир».
6. Копия двух предыдущих рукописей рукой А. П. Иванова с авторской правкой. 10 лл. F^о. *Начало*: «В христианском мире идут». *Конец*: «и побеждает мир».
7. Машинописная копия предыдущей рукописи с авторскими исправлениями. Полный текст статьи, почти целиком совпадающий с печатным. 6 лл. F^о.